

С. Ф. ДМИТРЕНКО

М. Е. Салтыков-Щедрин в оценках В. В. Розанова

Долгое время отношение В. В. Розанова к творчеству и личности Салтыкова-Щедрина оставалось непрояснённым. Чаще всего оно сводилось к вспоминанию оттого ставшей знаменитой фразы из «Уединенного» (1912; дадим в авторском начертании): «Как “матерой волк” он наелся русской крови и сытый отвалился в могилу. (О Щедрине, вагон)»*. Но эта эффектная фраза уже в силу своей эмоциональности мало что объясняет**.

Да, в том же «Уединенном» он называет писателя «ругающимся вице-губернатором»***. Литературные достоинства написанного Салтыковым для Розанова сомнительны («Щедрин около Гоголя как конюх около Александра Македонского»****), хотя в 1912 году он уверял, что «не читал Щедрина» (обычно он называл писателя именно так), ибо «в круге людей нашего созерцания считалось бы невежливостью в отношении ума своего *читать* Щедрина»*****, радовался: «этим я много спас в душе своей»6*. Подобное у него звучит

* Розанов В. В. Том 2. Уединенное. М., 1990. С. 251.

** Кажется, впервые объективный взгляд на отношение Розанова к Салтыкову-Щедрину (но по необходимости краткий) дан В. Б. Катаевым в его статье «Щедринское и нещедринское в русской сатире XVIII века» (см. в сборнике: М. Е. Салтыков-Щедрин и русская сатира XVIII–XX веков. М., 1998. С. 195). Помещена в этом томе.

*** Розанов В. В. Том 2. Уединенное... С. 201.

**** Розанов В. В. Опавшие листья (1915) // Мысли о литературе. М., 1989. С. 353.

***** Опавшие листья. Короб второй // Розанов В. В. Том 2. Уединенное. М., 1990. С. 431.

6* Цит. изд. С. 201.

и позднее: «Щедрина никогда не читал, кроме “где попадётся” (в гостиных) страницы две»*.

Кроме того, Розанов связывал рождение «русского прогресса», т. е. критически оцениваемое им движение России по пути реформ императора Александра II, с «выгнанным со службы полицейским и ещё клубным шулером» т. е. с Салтыковым и Некрасовым)**.

Ни разу, по его свидетельству, не слышал Розанов имени Салтыкова из уст Страхова, Флоренского, других («Мы всё-таки учились в университете»). О себе Розанов писал: «Сам я постоянно ругаю русских. Даже почти только и делаю, что ругаю их. “Пренесносный Щедрин”. Но почему я ненавижу всякого, кто тоже их ругает?»*** При этом Розанова возмутили публикации, связанные с частной жизнью Салтыкова, появившиеся в связи с 25-летием со дня его кончины****.

Розанову принадлежит суждение, что «у Щедрина смех вышел неуклюжим, тяжёлым, не лёгким; очень нужным по политическим обстоятельствам эпохи, как бы вызванным, вынужденным, но внутренне для самого автора трудным и мучительным»*****.

Среди основных читателей Щедрина, по мнению Розанова, — чиновники; описывая картину Репина «17-е октября», Розанов особо отмечает, что «чиновник в форме», «громко поющий песню “о ниспровержении правительства”», «начитался Щедрина»^{6*}.

Тем не менее, судя по частоте упоминаний Щедрина в сочинениях Розанова, его неутомимый критик с творчеством и биографией «совершенной копии Собакевича — гениального в ругательствах Щедрина»^{7*} был знаком неплохо. Однажды Розанов даже высказал предположение, что истоки сатиры Салтыкова в том, что он — «вице-губернатор, никак не могший дослужиться до губернатора» (статья «Героическая личность»).

Давая парадоксальную, но в целом взвешенную характеристику деятельности Добролюбова, Розанов, отнесши Салтыкова-Щедрина

* Розанов В.В. Собр. соч. Когда начальство ушло... Мимолётное. 1914 год. М., 1997. С. 503; также: Розанов В.В. Собр. соч. Литературные изгнанники. М., 2001. С. 183.

** Розанов В.В. Опавшие листья (1915) // Мысли о литературе. М., 1989. С. 418.

*** Розанов В.В. Том 2. Уединенное... С. 230.

**** Розанов В.В. Собр. соч. Когда начальство ушло... С. 332–333.

***** Розанов В.В. Собр. соч. Во дворе язычников. М., 1999. С. 342.

^{6*} Розанов В.В. Собр. соч. Среди художников, 400. Ср. в статье «Некрасов в годы нашего ученичества»; «Мимолётном...».

^{7*} Розанов В.В. Собр. соч. Последние листья... М., 2000. С. 26.

к «третьестепенным дарованиям», объявил его «впавшим в смысл» критики Добролюбова «почти всеми» своими произведениями (Три момента в развитии русской критики (1892)). Это забавно, особенно если не забывать о конфликте Салтыкова со «свистунами», главным из которых был, как всем хорошо известно, именно Добролюбов. Впрочем, в другой раз («Мимолётное. 1914 год») он заявил, что у Салтыкова — «очень слабое образование (читал одного Писарева)»*. В «Апокалипсисе нашего времени» (запись 24 августа 1918 г.) Розанов отмечал, что Д. И. Писарев как автор статьи «Цветы невинного юмора» (1864), «воскорбел и уличил Щедрина, что “тот занимается глупостями, вместо того, чтобы популяризировать «Жизнь животных» Брема. Что же произошло. Писарев скоро ушёл: но Щедрин, уже задыхаясь в старости, никак не мог избыть боли и страдания, нанесённого ему Писаревым. В подагре, седой, старый, весь больной — он всё припоминал гражданский укор Писарева, и всё оправдывался, почему он гражданственно писал о губернаторах, а не зоологически писал о Бреме. Почему “гг. Ташкентцы” выходили у него злее, чем “о рассечённой губе зайцев и кроликов”».

С историко-литературной точки зрения имя Щедрина вошло в построение Розанова о деградации литературы: «Попали в печать, имеют вид литераторов. Якубзоны и Азовы стали на место Щедрина и Успенского, как те стали на место Тургенева и Гоголя. Со ступеньки на ступеньку идём мы в гнилой погреб...» («Левым рептилиям» (1906)). Ср. в связи с Тургеневым: «...этот пухлый господин сделал столько же зла, сколько и тощий Чернышевский. Оба били в одну точку, разрушая Россию. Но в то время как «Что делать» Чернышевского пролетело молнией над Россией, многих опалив и ничего, в сущности, не разрушив, «Отцы и дети» Тургенева перешли в какую-то чахотку русской семьи, разрушив последнюю связь, последнее милое на Руси. После того, как были прокляты пампушки у Гоголя и Гончарова <...>, администрация у Щедрина <...> и история («История одного города»), купцы у Островского, духовенство у Лескова <...> и наконец вот самая семья у Тургенева, русскому человеку не осталось ничего любить, кроме прибауток, песенок и сказочек. Этот самозабавляющийся прощельга и произвёл революцию?» («Апокалипсис нашего времени»).

* Розанов В.В. Собр. соч. Когда начальство ушло... М., 1997. С. 305; ср.: Розанов В.В. Том 1. Религия и культура... 117.

В ретроспективе всех предшествующих высказываний Розанова о Салтыкове-Щедрине знаменателен его набросок «До какого предела мы должны любить Россию» (письмо Э. Ф. Голлербаху), датированный 26 октября 1918 года, где он пишет: «Целую жизнь я отрицал тебя в каком-то ужасе, но ты предстал мне теперь в *своей полной истине*. Щедрин, беру тебя и благославляю. Проклятая Россия, благословенная Россия»*.

Так, читая или не читая Щедрина, но постоянно с его присутствием в русской литературной — и не только — жизни сталкиваясь, а затем его печатно поминая, Розанов пришёл наконец к глубинному осознанию того, чем и сам был силён: творческая мощь интеллекта Салтыкова-Щедрина свободна от какой-либо конъюнктуры, она — плоть от плоти, *кровь от крови* их общей, единственной, любимой родины — и проклятой и благословенной.

* Розанов В.В. Собр. соч. В нашей смуте... М., 2004. С. 384.